DOI: 10.17117/na.2015.11.05.091

<http://ucom.ru/doc/na.2015.11.05.091.pdf>

Поступила (Received): 29.11.2015

Хохлова Л.В.

Образовательная альтернатива: структурное мифотворчество или компетентная личность

Khokhlova L.V.

Educational alternative: structural myth or competent person

В статье рассматривается философский аспект современного образования. Исследуются внешние и внутренние предпосылки компетентностного подхода к образованию. На основе использования сравнительного и критического методов обосновывается идея несоответствия мифологического уровня массового сознания, и рациональных структур, внедряемых в отечественном образовании, а так же значение гуманитарного блока фундаментальных наук, последовательно формирующих научную картину мира на основе междисциплинарного подхода

Ключевые слова: компетенции, личность, мифотворчество, идеология, мистицизм, структура

The article discusses the philosophical aspect of modern education. Examines the external and internal preconditions of the competence approach to education. Through the use of comparative and critical methods substantiates the idea of mythological inconsistency of mass consciousness, and rational structures embedded in the national education. It proposes to strengthen the humanitarian importance of the basic Sciences unit, sequentially forming a scientific picture of the world on the basis of interdisciplinary approach

Key words: competence, personality, mythology, ideology, mysticism, structure

Хохлова Людмила Васильевна

Кандидат педагогических наук, доцент
Нижнетагильский социально-педагогический институт (филиал РГППУ)
г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57

Khokhlova Ludmila Vasilievna

Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor
Nizhny Tagil socio-pedagogical institute (branch RSVPU)
Nizhni Tagil, Krasnogvardeyskaya st., 57

Отмечая востребованность и положительные стороны компетентностного подхода, отметим, что далеко не всегда в результате его применения формируется такое качество личности выпускника вуза как профессиональная компетентность. Поэтому актуальной становится философская рефлексия, подразумевающая критический анализ проблем образования и выработку альтернативы их решения.

Современная реформа образования во многом идёт проторённым путём прошлого, несмотря на инновационные декларации. Сила исторического примера («весь мир так делает») не является фактором успеха. Это, скорее фактор риска, мифологическая магия лозунга. Достаточно вспомнить известные мифы XX века. Глобальные идеологии формировались, казалось бы, в невероятно короткие сроки, причём образование являлось одним из самых эффективных конструкторов и субъектов мифотворчества. Фальсификация знаний в Германии

накануне второй мировой войны, замена знаний идеологическим усердием в России прошлого века – это пока не очень далёкое прошлое. Причём, до тех пор, пока образование чётко следовало социальному заказу, оно утрачивало перспективу развития.

Альтернативой идеологии в образовании выступали научные знания, которые приобретали приоритетную ценность только в результате социальных деформаций. Любая идеология основана на мифотворчестве и, как известно, избирательно относится к научным знаниям. Знаниевые манипуляции, сужение диапазона наук и отказ от философии типичны для идеологической сферы. Современные философы уже фиксируют новое мифотворчество. М. Маклюэн говорит о «глобальной деревне» и «глобальном театре». Мы наблюдаем глобальное «творчество», но оно есть мифотворчество.

Любопытным представляется ситуация преобладания иррациональности в современной креативности. Сегодня каждый готов назвать себя креативной личностью. Но эта креативность, по сути, тождественна «современному креационизму», то есть «творю нечто из ничего». Научное творчество явно проигрывает по сравнению с массовым творческим порывом в области массового искусства, игровой сферы, мистических манипуляций. Причём последнее имеет беспредельно широкий смысл. Е. Г. Романова, характеризуя мистическую сферу, замечает, что мистика в глазах её приверженцев – это, может не очевидная, но настоящая реальность, не требующая доказательств и обоснований [3]. Это знание, избавленное от «подозрительности» рационального познания. Мистический опыт – это эмоционально окрашенное восприятие другой, выходящей за рамки повседневности, реальности. Такой опыт может только переживаться, а не усваиваться. Мистицизм – это «антропологически сообразное» восприятие мира: 1) прочувствованное и отсюда понятное бытие иррациональной реальности; 2) упорядочивание обыденной реальности через придание ей соответствующего смысла, определение целей; 3) сопричастное восприятие переживания данной реальности и в кратковременных случаях непосредственная «включённость» в высшие процессы, подконтрольные особым людям; 4) диалогическое восприятие мира стихий, демонов, богов, которые несмотря на своё могущество общаются с человеком [2]. Коррелируя мистицизм массового сознания и уровень мышления, можно ставить диагноз. В обществе формируется мифологическое мышление, воспроизводится мифологическая картина мира как наиболее комфортная для человека, не готового свободно мыслить и адекватно адаптироваться в свободном социуме. Это не унижает данное общество, но научно диагностирует ситуацию.

Образование стало предметом западной философии прошлого века в связи с вхождением в массовое общество. Массовая культура деформировала духовность и предъявляла новые требования к образованию, очевидно ограничивающие духовность человека. Читая философов прошлого века, убеждаешься в ценности философской ретроспективы, с одной стороны, и в не готовности общества услышать открытую им же мудрость, с другой. То, что написано Ясперсом без малого век тому назад звучит современно и узнаваемо. «Люди пресы-

щены уже тем, что они только что услышали; поэтому они всё время ищут нового, привлекающего их уже самой новизной. В нём приветствуют изначальное, которого ждут, и вскоре отворачиваются от него, ибо оно нужно только как сенсация. ...люди охотно дают наименование нового тому, что хотят сделать значимым: новое мышление, новое ощущение жизни, новая культура тела, новая деловитость, новое хозяйствование и т. д.» [8, с. 359].

Впрочем, и образование, по Ясперсу, декларировало современные проблемы целый век тому назад. «Там, где речь идёт о профессиональном знании, точная специализация стала само собой разумеющейся. Распространилась специализация; необходимое для этого знание может быть достигнуто усвоением методов и сведено к простейшей форме в своих результатах. В хаосе повсюду разбросаны оазисы, где люди, обладая профессиональным знанием, к чему-либо способны. Но это знание разбросано; отдельный человек может выполнять лишь отдельные функции, и это его умение часто подобно ограниченной сфере, которой он только обладает, но не приводит к единству со своей сущностью и с целостностью образованного сознания» [8, с. 361].

Рационализация, доведённая до грубой моментальной доступности рассудку привносит в знание процесс обеднения. Наиболее подходящей литературной формой стало эссе, газета вытеснила книгу. Нужна краткость, чтобы сообщать то, что хотят знать и что затем забывают. Лекция и доклад заменены презентацией. Презентация действительно может быть эффективна, но в том случае, если она сжимает информацию, а не «отбрасывает» её. Студент, переписывающий определения категорий с экрана, часто озабочен только этим процессом, его сознание не интерактивно, а «суперпассивно», он получает адаптированный, не требующий мыслительного напряжения материал. Причём иллюзия лёгкости его приобретения вряд ли побудит его к запоминанию того, что общедоступно.

Реформирование, тождественное переструктурированию становится тенденцией времени. Структурируем классы, группы, бюрократические учреждения, научные блоки и содержание наук. На это уходит масса усилий реформаторов-«пассионариев». Уместной представляется оценка структурализма, данная её представителем Деррида: «Форма соблазняет, когда нет больше сил понимать силу изнутри её самой. То есть творить... Сила нашей слабости в том, что немощь отделяет, отстраняет, освобождает» [1, с. 13-14]. Образование оказалось на «передовой» этого переструктурирования. Меняя акценты и формы, мы не замечаем содержания, которое не соответствует ни поставленным целям, ни заданному результату. Потребительство, как востребованная идеология легко вытесняет нравственный аспект образования, смысложизненные аспекты. Кто задаёт выпускнику вопрос: «Зачем ты пришёл в этот прекрасный мир? Чтобы купить пять – десять «крутых» автомобилей, приобрести десять – двадцать ПК, использовать двадцать – сорок телефонов?» «Станешь ли ты счастливее, если используешь сто?». Современная педагогическая наука игнорирует вопрос, естественный для философии образования. Это вопрос о том, насколько умение ставить и решать смысложизненные вопросы влияют на компетентность про-

фессионала. Не эти ли вопросы говорят о мировоззренческой зрелости личности, свободном мышлении, открытом для творчества, в том числе для творчества профессиональной компетентности? В своё время Э. Гуссерль, критикуя науку нового времени, полагал, что человеческий мир и существование теряют смысл в этом мире фактичности. Естествознание как наука ничего не может нам сказать о жизненных нуждах, о смысле или бессмысленности всего человеческого существования. Наука утрачивает свою жизненную значимость, поскольку забыт смысловой фундамент естествознания, человеческого знания вообще – «жизненный мир» как мир «субъективно-соотносительного», в котором присутствуют наши цели и устремления, обыденный опыт, культурно-исторические реалии, не тождественные объектам научного анализа.

Поэтому критически нужно относиться к каузальной составляющей проекта реформирования образования. Образование, воспитание влияют на социальную позицию людей. Современные стандарты профессионального образования третьего поколения основаны на новой идеологии, соответствующей экономическим интересам большинства современного общества. Общество стремится обрести достойный статус в западном экономическом пространстве, для этого нужна модернизация производства, следовательно, нужны профессионалы нового уровня. Но это внешние предпосылки, которые интегрированы в рыночную экономику, модернизацию производства и по сути, лишь «онаучивают» идеологию «всеобщего потребления». Изменения в образовании не могут быть продуктивными, если они начинаются с идеологических приёмов.

Не менее важны, на наш взгляд, внутренние предпосылки, к которым отнесём: 1) состояние отечественного образования; 2) состояние общественного сознания.

Начнём с отечественного образования. В нём, на наш взгляд, не была реализована просвещенческая «знаниевая» составляющая. Можно выделить наиболее очевидные причины: во-первых, отечественное образование развивалось последовательно в исторически значительно более короткий период, чем западное. Во-вторых, долгие годы в отечественном образовании действовал «информационный фильтр», осуществляемый «научной идеологией». Можно предположить, что некомпетентность профессионалов связана с тем, что отечественная школа конца прошлого столетия «не доучила знаниям», формализм и «процентомания» сегодня не только «пережиток прошлого», а факторы, породившие конкретный результат. Возможности информатизации, с одной стороны, породили иллюзию достаточности знаний, их всегда можно заменить информацией. С другой стороны, они обесценили знания. Овладение технологиями сегодня более ценно, чем овладение знаниями.

Несмотря на изобилие научных трудов о компетентностном подходе в образовании, нет исследований о результатах внедрения его компонентов. Кроме громкой, по большей части журналистской, критики ЕГЭ, мы не имеем анализа состояния знаний по предметам школьников и студентов. Электронное тестирование, которое пять лет назад встряхнуло «умы педагогов» больше, чем студентов, очень скоро утратило свой потенциал по причинам: 1) спонтанности и необоснованности содержания, хотя содержание быстро, ежегодно менялось,

причём в лучшую сторону. Но 2) быстро обнаружилась «альтернатива», «инновационная шпаргалка». Тесты легко заполнялись методом Интернета, престиж которого непоколебим, а «интерсубъективное» желание иметь истинную картину отсутствовало.

Для обеспечения научной эффективности подхода необходимо регулярно проводить мониторинг знаний. Он должен быть независимым, разнообразным (перекрёстным) и исключать административные способы манипулирования результатами. Результаты должны анализировать не бюрократические структуры в духе «соцсоревнования», а люди, занимающиеся наукой, не заинтересованные ни в уравнивании всех в соответствии с общепринятым стандартом, ни в определении «передовиков и героев». Можно умозрительно предположить, что знаниевая составляющая образования резко упала. Практика сокращения академических часов, акцент на самостоятельную работу, к которой значительное число студентов не готово методологически, обезоружило, прежде всего, фундаментальные науки. Но их методологическое и мировоззренческое значение не исчерпало себя. Даже допуская, что профессиональная компетентность может сформироваться при отсутствии интереса к другим сферам мира, мы не можем предположить, что эти ожидания приобретут массовый характер. Фундаментальные науки формируют целостную научную картину мира, они помогают осознать практическую значимость и реальность междисциплинарного подхода в обучении как интегрирующего компетенции в качество личности.

Завершая, вернёмся опять к размышлениям философа прошлого века, который призывал избегать рационалистических утопий путём обращения к философии. «В образовании как форме жизни его стержень – дисциплина в качестве умения мыслить. А среда – образованность в качестве знаний. Его материалом являются созерцание образов прошлого, познание как необходимо значимые воззрения, знание вещей и владение языками», – определяет образование немецкий экзистенциалист К. Ясперс [8, с 358].

Список используемых источников:

1. Деррида Ж. Письмо и различие. М.: Академический проект, 2007. 496 с.
2. Матецкая А.В. Процесс индивидуализации и мифологическое мышление в эпоху современности. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2007. 163 с.
3. Романова Е.Г. Мистицизм интернета и социализация молодёжи // Педагогика. 2013. №5.
4. Торчинов Е.А. Религии мир: опыт запредельного: Психотехника и трансперсональные состояния. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998. 384 с.
5. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1995. 265 с.
6. Хохлова Л.В. Проблема образовательной стратегии // Современное общество: взгляд изнутри. СПб.: ПетроПресс, 2012, С. 60-63.
7. Хохлова Л.В. Профессиональная компетентность: философский дискурс в контексте современного образования. Диссонансы бытия: коллективная монография. Нижний Тагил: ИЦ НТГСПИ (ф) РГППУ, 2015. С. 65-82.
8. Ясперс К. Духовная ситуация эпохи. Смысл и назначение истории. М.: Издательство политической литературы, 1991. С. 288-420.